

ПОБЕДИТЕЛЬ КОНКУРСА «СО СЛОВ ОЧЕВИДЦЕВ»
в номинации «Лучший мистический детектив»

Дарья Гущина

После
меня

Призраки осени

Дарья Гущина

После меня

«Автор»

2020

Гущина Д.

После меня / Д. Гущина — «Автор», 2020 — (Призраки осени)

Пять лет Арина бьётся над тайной странной музейной экспозиции. По её мнению, экспонаты ничем между собой не связаны, однако их почему-то объединили в выставку под названием «После меня». Казалось бы, что может объединять веер восемнадцатого века, современную фотографию, фуражку времён ВОВ, раковину речного моллюска и свежий букет из кленовых листьев? Или – кто? Когда у Арины заканчиваются версии, её тётя – владелица музея – рассказывает странную историю создания выставки.

© Гущина Д., 2020

© Автор, 2020

Содержание

1	5
2	8
3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Дарья Гущина

После меня

1

Начало осени пахло вишнёвым глинтвейном, яблочным пирогом с корицей и мятными конфетами.

Я остановилась у крыльца низкого кирпичного домика и с удовольствием втянула носом знакомые запахи. Они лились из открытых окон в унисон с гитарными напевами старинного романса, напоминая: гостей здесь обожают. И всегда ждут не дождутся.

Люблю приезжать к тётушке в гости именно в это время – в конце августа, когда дни, ещё по-летнему тёплые, уже пахнут осенью, а прохладными вечерами так уютно сидеть у камина с чашкой кофе, какао или глинтвейна и слушать тётушкины истории. Историк и искусствовед по образованию, экскурсовод по призванию, она очень любила рассказывать и в каждую историю вкладывала душу. И, слушая её, я каждый раз словно новую жизнь проживала – незнакомую, интересную, но отчасти свою.

В этом году тётя Вера приглашала меня приехать пораньше, но я эгоистично не хотела ни с кем делить её сказки и ждала, когда же разъедутся загостившиеся дети и внуки. А они всегда отчаливали в последние выходные августа, перед началом учебного года. А я – собирала сумку и договаривалась о последней неделе отпуска. И сбегала.

Три часа дремотной дороги на рейсовом автобусе – и круглосуточный грохот краевой столицы сменился сонной тишиной крошечного сибирского городка. Здесь все друг друга знали, никто никуда не торопился, транспорт не шумел на каждом углу. И по-настоящему, терпко и горько, пахло осенью. Старинные двухэтажные дома-усадебки цветным шатром накрывали пятиэтажные тополя и берёзы с красными вкраплениями осин и рябин. И я всегда шла к дому тётя пешком – ровно час от автобусной остановки.

А весь городок можно обойти не торопясь часа за три.

– Ариша! – из окна выглянула старинная подруга тётушки Инна Макаровна. – Ты чего ж не позвонила-то? Я бы тебя встретила и подвезла! Или вместо Веры бы в магазин уехала!

– Добрый вечер, – я улыбнулась, поправив сумку. – Получилось так, Инна Макаровна. Забыла в спешке.

– Заходи, – засутилась она, поправляя шаль. – Накормлю с дорожки. И, кстати, Кеша-то знал, что ты именно сегодня приедешь. Я ещё с утра об этом Вере сказала, но она отмахнулась. Дескать, ты же всегда звонишь. А оно вон как, Ариш. Коты всегда всё знают.

Кеша, старый трёхцветный кот тётушки, обычно меня игнорировал – что есть я, что нет, ему всё равно. За одним исключением: в день моего приезда он с утра залегал на той постели, где я обычно спала, до позднего вечера. И единственное объяснение этого явления – да, коты всегда всё знают. Непонятно откуда, но факт.

Тётя Вера жила рядом со своим домом-музеем. От предков-купцов ей в наследство достался заброшенный трёхэтажный кирпичный особняк с небольшим садиком и парой полуразвалившихся хозяйственных построек. Из построек тётушка соорудила небольшие жилые домики, сад расчистила, а особняк превратила в музей. И именно в одном из таких домиков (вернее, в том, у крыльца которого я дышала пирогом и глинтвейном) сейчас отдыхал Кеша. И пусть спит.

Я поднялась по ступенькам и открыла дверь. Маленькая прихожая, узкий коридорчик, две двери в жилые комнаты, застеклённая дверь в конце – выход на утеплённую веранду-кухню.

И Инна Макаровна – высокая, моложавая, кудрявая, в длинной багряной шали, серой водолазке и тёмной юбке.

Открыв неприметную дверку в прихожей, Инна Макаровна включила свет и поторопила:
– Руки мой. Пирог стынет. А я сейчас Вере позвоню.

– Не надо, – я опустила сумку на пол и послушно протопала в ванную. – Я же не на полчаса приехала. А в отпуск. Не торопите тётушку. И поела я бы попозже. Не голодная пока, спасибо.

Инна Макаровна понимающе улыбнулась:

– В музей хочешь? Тайна тянет? – и, подбоченившись: – На кухню! Ничего не знаю! Веру, ладно, тревожить не буду, но ты *поешь!* А потом проверь свои догадки сколько угодно. Уговор? – и чуть мягче, как упрямому ребёнку: – Арь, любимая экспозиция от тебя никуда не убежит. Никуда ж она за год не делась? И за время ужина не испарится. Не упрямясь, детка. Десять минут – и ты свободна.

Возраст «детки» неумолимо полз к тридцати годам, но Инну Макаровну это не волновало. И, как я подозревала, никогда волновать не будет, хоть сколько времени пройдёт – и хоть сколько «детке» стукнет.

Я покладисто кивнула, быстро помыла руки и устремилась на кухню. Но по пути всё же заглянула в свою комнату – узкую, но уютную. Конечно же, на клетчатом пледе спал, свернувшись клубком, Кеша. А на полу у кресла уже «отдыхала» моя сумка.

Уже.

Ладно, потом вещи разберу. Люблю, конечно, делать всё сразу, не затягивая и не откладывая... Но из-за одного как раз-таки затянувшегося – почти на пять лет – дела отложу эту повседневную мелочь. Всего-то до вечера.

На кухне я послушно уселась в плетёное кресло, и передо мной как по волшебству возникла тарелка с ароматными кусочками пирога и кружка глинтвейна на вишнёвом соке. Я снова с удовольствием втянула носом воздух. От таких божественных запахов проголодаешься, даже будучи сытым.

– Добрая фея, – я улыбнулась. – Спасибо!

– Ешь-ешь, – Инна Макаровна села напротив. Зелёные глаза смотрели хитро-хитро. – Догадалась? Хочешь проверить?

Я с сожалением качнула головой и незаметно для себя умяла три куса пирога. Оказывается, проголодалась.

– Беги тогда. Оставь посуду. Глинтвейна с собой налить? Опять же на полночи застрянешь.

Я снова кивнула. Да, вероятно... если тётя Вера раньше не вернётся из магазинов.

Тётушкин музей разительно отличался от обычных.

Во-первых, да, там можно перекусить и выпить чаю в любом зале – и повсюду на столиках и подоконниках стояли старинные сервизы, пузатые самовары и плюшки с корицей или джемом.

– Голодные гости крайне невнимательны, – говаривала тётя Вера. – Они думают лишь о том, где бы поесть, а надо думать о красоте старины и величии искусства.

А во-вторых, всё можно потрогать – и присесть на старинную софу, и вздремнуть под пледом в удобном кресле, и перебрать содержимое древних сервантов.

– Никогда не понимала современные музеи... – ворчала тётушка. – Словно в окно украдкой подсматриваешь... А хочется же прикоснуться к эпохе – и ощутить её запах, уют... вкус.

Конечно, при таком подходе кражи были неизбежны, хотя в залах стояли столики с табличками «Возьмите на память!» Отчего-то они клептоманов не вдохновляли. И тогда тётя Вера придумала разбрасывать среди экспонатов яркую бутафорскую мелочёвку – монетки, ложки, пуговицы, тесьму. Что чаще всего тащили – то и раскладывали подделками в интересных местах:

на диванах, среди чайных приборов, в неприметных ящичках. И оригинальное почти перестало пропадать.

Я быстро пересекла отцветающий садик и нашла в торце музея неприметную дверку – старую, проржавевшую. Запасной вход-выход, о котором знали лишь свои. Открыть – и бегом в подвальную экспозицию. . . Первый коридор, тяжёлая и скрипучая дверь, старая лестница вниз, второй коридор, запах ледяной сырости и извёстки. . .

По привычке я подсвечивала путь сотовым телефоном. Дорогу давно знала наизусть и свет не включала, просто считала двери. Запертые – в ожидании будущих экспозиций, открытые – с яркими табличками, названиями выставок. Но не ради них я опять примчалась в древний подвал, нет. Мой интерес – давний, слегка надоевший, но по-прежнему подстёгивающий: жить, учиться, копаться в прошлом, строить теории. . . и найти наконец ответ на единственный вопрос.

У тринадцатой слева двери я остановилась и подняла телефон. Сердце предательски замерло. Вот и она.

«После меня» – гласила табличка на двери. Серый гранит (вернее, искусный пластиковый муляж) и крупные, косые, чёрные буквы – будто выбитые. Аналогии напрашивались очевидные, да. И, случалось, разочаровывали некоторых посетителей, настроенных услышать мистическую легенду (если повезёт, то из уст ряженого) об идейном вдохновителе и создателе экспозиции.

И некая легенда – кажется, о безымянном пленнике подземелья и его имуществе, рассказанная «лично» ряженым «арестантом», – существовала, но я в неё не верила. Хотя Николай Петрович, охранник, дворник и вообще на все руки мастер, играл невероятно. Очень колоритный старикан – высокий, худой, длинная седеющая борода, буйные кудри, нос крючком, пронзительный взгляд из-под нахмуренных бровей. Воплощал образ так, что люди в слезах из подземелья выходили, хотя он даже курсов актёрских не заканчивал.

Искусствоведческого образования у меня не было, зато была тётушка, которая с детства рассказывала мне не только сказки, но и реальные исторические факты с объяснением деталей. Я могла отличить подделку от оригинала, а восемнадцатый век – от девятнадцатого, я давно выучила историю каждой пуговки на выставочных костюмах.

И, глядя на экспозицию «После меня», с каждым годом всё больше и больше убеждалась – что-то здесь не то. И не так. Неправильно. Не по фэншую. И непонятно, почему именно так, а не иначе.

2

Я зашла в комнату, поставила кружку на табурет и привычно повела телефоном, осматриваясь.

Каменный пол, низкий и неровный потолок, кривые стены. Узенькое окошко со стороны улицы закрыто металлическими ставнями, а со стороны дома – решёткой. Стол, металлическая кровать, застеленная старым клетчатым пледом, подушка тощим «ждуном», шаткий табурет. И до крайности странная экспозиция на столе.

Если не ошибаюсь, ей лет пять. Прежде тётушка подвал не использовала, хотя я предлагала обустроить крутые выставки – от тех же темниц до кладовых и винных погребов. Люди любят подземелья и их загадки. И очень удивилась, когда в одном из новых буклетов увидела рекламу экскурсии по подвалу с выставкой в некой арестантской.

О том, откуда взялась эта выставка, я спрашивала много раз, а ответ получала всегда стандартный: догадайся.

И я начала копаться в прошлом. Сфотографировала каждый предмет, а потом рылась в интернете, думала, искала точки пересечения, снова рылась в интернете... И каждый раз первым делом прибегала сюда и снова изучала предметы, и снова думала, и снова искала...

Но так и не поняла, как между собой связаны:

а) дамский веер восемнадцатого века,
б) курительная трубка начала двадцатого,
в) русская офицерская фуражка времён Великой Отечественной,
г) ржавая пряжка, не поддающаяся идентификации,
д) несколько затёртых монет, про которые гугл с яндексом при поддержке исторических сайтов дружно говорили – мол, едва ли не времён освоения Ермаком Сибири, но возможны варианты,

е) потемневшая серебряная ложка – вроде бы девятнадцатого века, но вероятны дополнения и изменения,

ё) чёрно-белое фото в современной рамке – скромный мужик, ничего особенного: пройдёшь мимо и не заметишь,

ж) икона Божьей Матери – карманная и современная (я фотку нескольким батюшкам для подтверждения показывала, а потом нашла точно такие же иконы в церковных лавках),

з) музыкальная пластинка с песнями Высоцкого,

и) раковина речного моллюска – вернее, одна перламутровая половинка вместо двух створок, по которой шиш поймёшь, какого она века. Но сохранилась хорошо, и в раковинке то монеты хранились, то пряжка.

Я строила теорию за теорией, но каждый раз мне что-то не нравилось. Что-то казалось неправильным и из другой оперы. И главное смущающее – одиннадцатый предмет. Чёрная сахарница, в которую поместили букет из десяти крупных жёлтых кленовых листьев – пронумерованных. Да, десять листьев с номерами, нарисованными красной краской, – и десять предметов на столе.

Догадаешься тут...

Но я старалась. В каждый приезд изучала выставку снова и снова, наизусть выучила каждый экспонат, но толку... Разве что в кошмарах снились. Приходили, рассаживались вокруг меня, пронумерованные, обмахивались каждый своим кленовым листом (особенно крышесносно и пафосно веер смотрелся) и ухмылялись молча.

– Есть версии? – весело спросил тётушкин голос.

Я аж подпрыгнула. Как она подкралась!..

– Тётъ Вер!.. – возмутилась я справедливо.

– Ладно-ладно, – тётушка широко улыбнулась. – Извини старуху. Не хотела напугать.
– Хотела! – насупилась я.

– Нет, не хотела, – тёмные тётини глаза засмеялись. – Но я *надеялась*. Чувствуешь разницу? И прости уж, Ариш, не удержалась.

– Тогда расскажи правду про выставку, – потребовала я контрибуцию. – Честно слово, тётъ, я устала думать да гадать.

– Твои версии? – повторила она, прищурившись.

Я откашлялась, собираясь с мыслями. Но прежде...

– Добрый вечер, – я чмокнула её в щеку.

– С приездом, дорогая, – улыбнулась она и указала на постель. – Присядем?

Я послушно села, а тётя Вера устроилась рядом.

«Старухой» она отнюдь не выглядела – да и не была. Короткая рыжая стрижка, задорный взгляд, танцевальная привычка держать спину и вечные джинсы или с майками, или со свитерами, в зависимости от погоды. Сейчас, в солнечное межсезонье, поверх чёрной «американки» она набросила толстый светлый свитер, стянув рукава на груди. И никаких украшений, никакой косметики. Как обычно.

Снова глянув на предметы, я смущённо начала:

– У меня вот какие версии, тётъ. Во-первых, все предметы могли принадлежать одной семье и передаваться из поколения в поколение – от дворянского веера до трубки и даже раковинки, которая может быть детским сокровищем – например, того мужчины на фотографии. Но я не понимаю, причём тут подвалы, «тюремная камера» и кленовые листья.

Я запнулась, замолчала, и тётя Вера подбодрила:

– Дальше?

– Это всё – добыча ненормального. Какой-нибудь клептоман ходил по музею и тырил – то одно, то другое. Им же всё равно, что красть. Важен процесс. А Николай Петрович отследил его по монитору и тряхнул на выходе. Отсюда и обстановка – камера, арестант... Хотя, скорее всего, вы его не сдали. Пожалели.

– Дальше? – прищурилась тётушка.

– А что, ещё есть варианты? – озадачилась я.

– Есть, – подмигнула она.

Я посмотрела на выставку, подумала и рискнула:

– Находки из разрушенного дома? Я читала, что когда сносят старые бараки или усадьбы, в них находят потерянные или забытые жильцами древности. Подняли пол – а там внезапные монеты, которые были семейной ценностью, но потерялись. А раз они из одного дома... – мой взгляд зацепился за кленовые листья. – То и оказались в одной экспозиции. И листья – наверно, оттуда же. Ребёнку собрали поиграть... и счёту научить. Но при чём тут название – «После меня»? Это же указание на одного человека, а не на дом. И даже не на семью.

– Дальше? – улыбнулась тётя Вера.

– Всё! – сдалась я. – Если бы знала, разве доставала бы вопросами? Скажи хотя бы, зачем тут листья!

– А что тебе напоминает набор этих предметов? – она кивнула на стол. – Если абстрагироваться от обстановки подвала и легенды?

Я закусила губу, встала, снова – в десятитысячный раз осмотрела выставку – и вздохнула:

– Знаешь... Будто кто-то ходил по музею и бесцельно брал в руки – то одно, то другое. Без смысла. И без умысла. Просто раковина блеснула. А монеты по столу красиво рассыпаны. А фуражка, наоборот, криво лежит. И фото старинные нравятся. Хотя – это я так по твоему музею хожу, что-то поправляя, что-то трогая. Просто так, – признала уныло.

Тётушка задумчиво кивнула и неуловимо посерьёзнела. Я даже удивилась – давно не видела её такой... собранной, без привычного задора. Любимые «путешествия в прошлое» её

неизменно вдохновляли – до дирижёрской жестикуляции, румянца и лихорадочного блеска в глаза. А сейчас она, наоборот, потускнела, поблёкла. Сжалась и спряталась.

– Пожалуй, да, пора тебе узнать, – тётушка встала и посмотрела на меня с некоторой... опаской. – Но предупреждаю, история странная. Мистическая. В неё трудно поверить. Но ты же хорошо меня знаешь, правда? И понимаешь, что тебе я лгать не буду?

И что-то послышалось в её тихом голосе... беспомощное, а взгляд стал беззащитным. Я насторожилась. Видимо, реально странная история...

– Конечно, верю, – подтвердила я.

– Запомни эти слова, Ариш. И повтори их, когда я закончу историю, – в тёмные глаза вернулось знакомое лукавство. – А теперь допивай свой глинтвейн и пойдём наверх. Предметы все помнишь?

– И фотки есть, – кивнула я. – Сто штук в разных ракурсах.

– Чудно, – одобрила тётя Вера.

Я быстро выпила холодный глинтвейн, и мы поднялись наверх – в полнейшем молчании. И обе собирались – тётушка с духом и мыслями, а я – просто с мыслями. Если она согласилась, значит, я что-то угадала, и дальше заставлять меня думать было бессмысленно.

Интересно, что?..

Скоро узнаю.

Наконец-то!

3

После угрюмо-молчаливого тёмного подвала улица ослепляла закатным светом, оглушала щебетом птиц, обволакивала уютным теплом – точно в плед закутывала. А небо напоминало лоскутное одеяло – сизо-серые и ванильные облачные клочки, зелёные с золотом макушки деревьев. И, проходя по саду, я вдруг задумалась: а откуда?..

– Откуда кленовые листья? – я посмотрела на тётушку. – Здесь же нет клёнов.

Я давно весь городок вдоль и поперёк исходила, в каждую подворотню заглянула, могла с закрытыми глазами найти дорогу хоть к музею, хоть к автовокзалу. И по осени мне всегда не хватало кленовых, дубовых и каштановых листьев – для атмосферы. Только тополя, берёзы, рябины, осины... Сибирский стандарт.

– Очень правильный вопрос, – согласилась тётя Вера. – Меня он тоже долго мучил... пока не прояснился.

Я вздохнула укоризненно, но поняла, что иного ответа пока не дожусь. Листья – это тоже часть истории, а забегать вперёд тётушка никогда не любила. Нет, у любой истории должны быть чёткие начало, середина и концовка, и нравится-не нравится, хоть изведись от любопытства, а раньше положенного ничего не узнаешь.

Мы вернулись к домику. Возле летней кухни, под раскидистой плакучей берёзой, стояли плетёные кресла и столик. Сервировать его к чаю – дело пятнадцати минут, и всё это время тётушка по-прежнему молчала, что вообще-то было ей несвойственно. Инна Макаровна уже ушла – утром и днём она готовила обеды и перекусы для посетителей музея, а вечером убегала кормить своих многочисленных внуков.

Я устроилась в кресле среди подушек с чашкой чая, а тётя Вера продолжала суетиться по мелочи – то печенье принесёт, то проверит, полна ли сахарница, то мёда в пиалку доложит. Я её не торопила. И всё больше понимала, как сложна для тётушки эта история. Если она, любительница поговорить и рассказать, сначала отмалчивалась, а теперь *так* волновалась...

Да, явно странная история. Историк-искусствоведу, который привык оперировать деталями и собирать целостные картины из фактов, кажется, чего-то недоставало для уверенного изложения событий – либо деталей, либо фактов. Либо... веры в реальность случившегося, если вспомнить о словах: «Странная история. Мистическая».

Мистическая...

– Тётя Вер, ты сама-то веришь в то, что случилось? – спросила я тихо.

Она размешала в чае мёд и ещё тише ответила:

– Не всегда, Ариш. Иногда кажется, что мне всё приснилось. Но потом я спускаюсь вниз, в подвал, смотрю на букет из листьев... Знаешь, сколько ему лет? Около пяти. И сейчас он такой же, как... тогда. Когда почти пять лет назад я собрала его и установила в подвале. И краска на листьях, которой номера написаны, – тоже. Разве это не чудо? – и нервно улыбнулась.

– Тётя Вер, – я посмотрела на неё решительно. – Рассказывай! Всё как есть. Я и правда тебе верю. Во всём. И даже в букет.

– Ладно, – она села напротив меня и накинула на колени охровый плед, взяла большую кружку с глинтвейном. – Всё... правильно. Перед смертью не надышишься. Расскажу как есть, как на духу. И, знаешь, даже спрашивать не буду потом, веришь или нет. Это твоё дело. А я... – и она наконец улыбнулась. – Пожалуй, выскажусь. Просто выскажусь. Да. Давно устала в себе держать.

Я поставила на колени корзинку с «хворостом» и выжидательно взяла первое печенье.

– Как ты знаешь, Ариш, – начала тётушка в своей обычной неторопливой манере, – моему музею больше двадцати лет. И за это время у нас не было никаких неприятностей – ни крупных краж, ни несчастных случаев. По мелочи, конечно, тащат иногда, но мы с этим смирились.

Такова уж людская природа – прихватить что-нибудь «на память». И однажды человеку стало нехорошо – жара, духота... Мы вызвали скорую, и всё обошлось. Откачали, подлечили, выпи-
сали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.